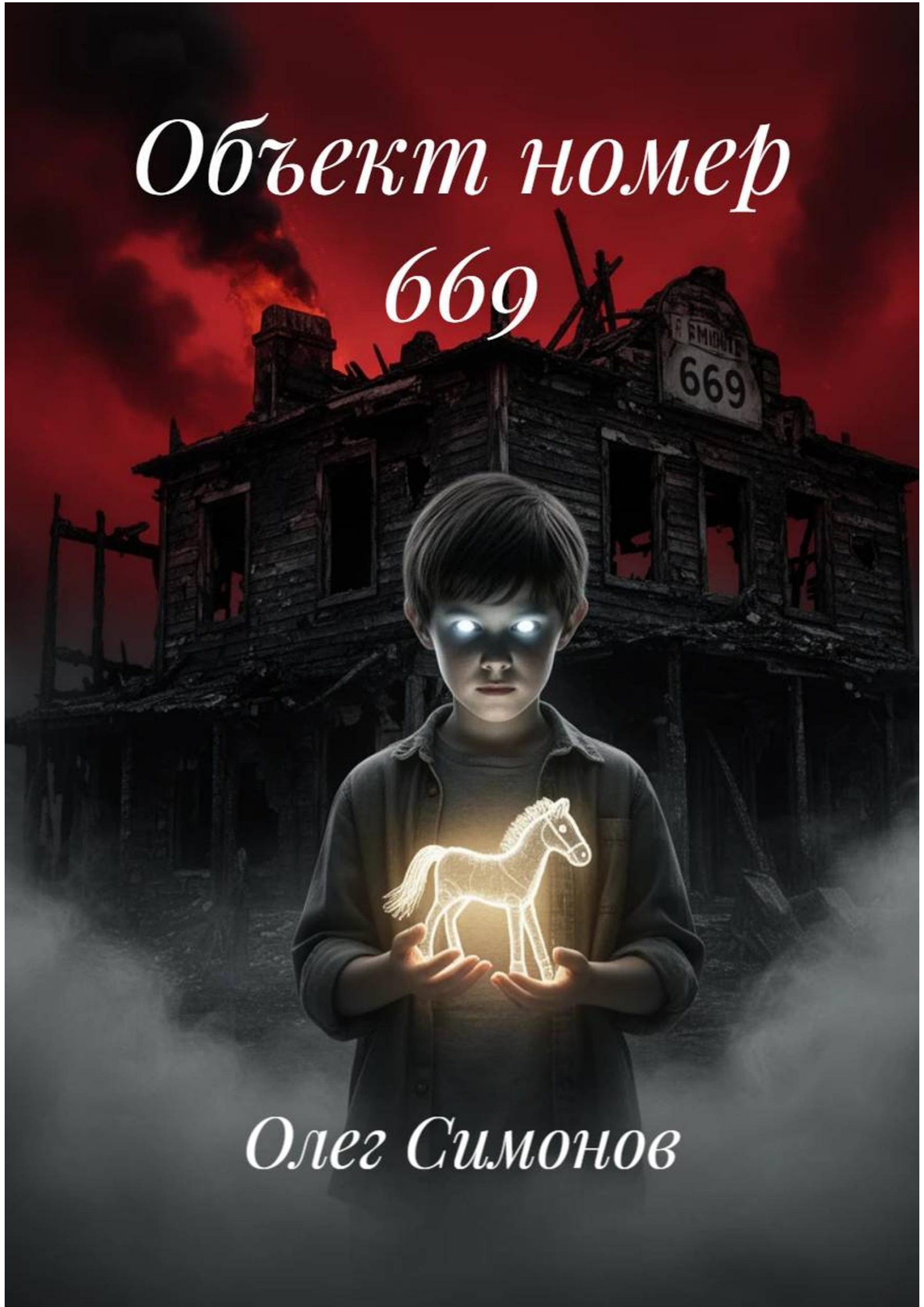

Объект номер 669

Олег Симонов

Олег СИМОНОВ

Объект номер 669

«Автор»

2026

Симонов О.

Объект номер 669 / О. Симонов — «Автор», 2026

Томасу Моррисону восемь лет. Он видит то, что другие не видят: детей в тёмном подвале, их светящиеся глаза и протянутые руки. Они просят его принести игрушки. Они говорят, что у них их отняли. Семья Томаса, пытаясь защитить сына, отправляется в глухую французскую деревню, где стоит старый обгоревший музей с вывеской «Детский сад 669». В прошлом — концлагерь, где нацисты проводили бесчеловечные опыты над детьми. В настоящем — ловушка для тех, кто унаследовал их силу. Но за мальчиком охотятся не только призраки прошлого. Организация, выросшая из пепла Третьего рейха, всё ещё существует. И её лидер, внук главного палача, готов уничтожить всё на своём пути. Томас Моррисон — ключ к бессмертию. Или к гибели всего мира. Выбор за ним.

© Симонов О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Олег Симонов

Объект номер 669

Глава 1

Французский городок встретил теплым вечером. Не тем парижским, подсвеченным огнями, а провинциальным, липким, с запахом нагретой за день брусчатки и сырой зелени из чьих-то палисадников. Дома жались друг к другу, будто боялись одиночества. Где-то вдалеке лаяла собака, но быстро замолкла, словно её кто-то перебил.

Дэвид вышел из продуктового магазинчика с двумя пакетами в руках. Один — с хлебом и сыром, второй — с бутылкой красного вина, которое Сара любила, но редко себе позволяла. Касса пискнула, и продавец, сухой старик с усами, которые помнили ещё шестидесятые, бросил ему вслед:

— Merci, monsieur. Bonne soirée.¹

— Merci, vous aussi², — ответил Дэвид с лёгким акцентом, который выдавал в нём американца.

Он толкнул дверь ногой и вышел на улицу.

Вечерний воздух пахнул хлебом и выхлопными газами. Дэвид на секунду зажмурился, привыкая к сумеркам, и сделал шаг в сторону гостиницы, где ждали Сара и Томми.

Тут кто-то подхватил его за локоть.

Не грубо, не резко, а аккуратно. Но пальцы, сомкнувшиеся на рукаве его лёгкой куртки, были как стальные пружины — мягкие, но неумолимые. Дэвид дёрнулся — инстинктивно, даже не подумав, — и тут же понял, что это бесполезно. Рука сжимала его мёртвой хваткой — так, будто вросла в кость. Он повернул голову.

Справа стоял высокий мужчина в тёмно-синем костюме. Длинный, сухой, с узкими плечами и лицом, которое невозможно было запомнить, — серая кожа, тусклые глаза, никакой растительности. Он держал Дэвида за локоть и смотрел куда-то в сторону, будто ему было скучно. Слева, чуть сзади, стоял второй. Этот был шире, массивнее, с короткой стрижкой и тяжёлой челюстью, которая выдавала бывшего боксёра. Его пиджак сидел так, что под ним явно угадывался ремень с кобурой.

— Мистер Моррисон, — сказал второй. Голос низкий, картонный, с акцентом, который Дэвид не мог распознать сразу, но что-то в нём было знакомое. — С вами хотят поговорить. Здесь недалеко. Это не займёт много времени.

Дэвид сглотнул.

— Я никуда не пойду, — сказал он, и голос перешёл на хрип. Он попытался выдернуть руку, но пальцы первого сжались сильнее, и в локте стрельнуло острой болью. — Отпустите. Я сейчас закричу.

— Лучше не стоит, — сказал второй.

Они не предложили выбора. Просто пошли — и Дэвид пошёл с ними. Пакеты с продуктами он не выпустил — почему-то это казалось важным, будто если он их уронит, то сдастся окончательно.

¹ Спасибо, месье. Хорошего вечера (франц.)

² Спасибо, вам тоже (франц.)

Они свернули в тихий безлюдный проулок. Здесь дома стояли ещё ближе, окна были тёмными, и даже звук проезжающих мимо автомобилей с главной улицы сюда не проникал. В конце проулка стояли машины. Дэвид остановился.

Он узнал их сразу. Чёрные джипы, две штуки, с тонированными стёклами, в которых не отражалось ничего, кроме пепельно-серого неба. Такие же он видел в зеркале заднего вида, когда они въезжали в город два дня назад. Сначала думал, что это случайность. Потом они появились у гостиницы. Потом — у мэрии, куда они ходили смотреть архив. Они не приближались. Держали дистанцию, как голодные волки, которые ждут, когда жертва устанет бежать.

Между джипами, чуть в глубине, стояла машина, которая не вписывалась в этот пыльный проулок.

Mercedes-Maybach. Чёрный, как все остальные, но его цвет был глубже, насыщеннее, будто он не отражал свет, а поглощал его. Линии кузова текли плавно, без единого стыка, хромированные детали тускло мерцали в сумерках.

Машина была длинной — слишком длинной для этих узких улочек, и стояла она так, будто знала своё место. Внутри, за тонированными стёклами, ничего не было видно. Только глухая, бархатная темнота.

Охранник, тот, что слева, подошёл к задней двери. Открыл её. Жестом пригласил внутрь — вежливо, почти церемонно, как приглашают на ужин.

Дэвид почувствовал, как в груди похолодело. Он стоял перед открытой дверью «Майбаха», и его ноги отказывались двигаться. Он смотрел в тёмный проём, за которым не было ничего, — только глухая тьма, которая казалась живой.

Он смотрел в темноту, и в его голове проносились обрывки мыслей, которые не складывались в целое.

Дэвид думал о Томми. Он всегда полагал, что сможет защитить его. Что если они будут молчать, если они будут прятаться, они смогут жить нормальной жизнью. Но теперь он понял, что ошибался. Тени прошлого всегда догоняют тех, кто пытается убежать.

Он думал о Саре. О её улыбке, о её руках, которые так крепко сжимали его ладонь в коридоре больницы, когда они встретились в первый раз. О её глазах, когда она держала на руках Томми. Она никогда не боялась. Она всегда знала, что риск — это цена за жизнь, которой они хотят жить.

Дэвид не знал, что ждёт его внутри «Майбаха». Но он знал, что должен войти. Что это единственный способ защитить свою семью. Что его жизнь, его страхи, его догадки — всё это не имеет значения, если они могут спасти Томми.

— Прошу, — сказал охранник.

Рука, державшая Дэвида, ослабла ровно настолько, чтобы он мог сделать шаг вперёд, и слегка подтолкнула его — не грубо, но достаточно, чтобы Дэвид понял: сопротивляться бесполезно.

Он посмотрел на охранников. Высокий стоял неподвижно, как статуя. Второй уже ждал у двери, терпеливо, как швейцар. Дэвид сделал шаг вперёд, и его ноги переступили порог.

Салон встретил его запахом дорогой кожи и едва уловимой нотой какого-то парфюма — горьковатого, чужого. Стекло между ним и водителем было поднято, и Дэвид не видел, кто сидит за рулём. Только силуэт. Только пульсирующий красный огонёк на приборной панели. Охранник закрыл дверь. Звук был глухой, тяжёлый.

Дэвид остался один в темноте. Так, в тишине, он просидел несколько минут.

Она была плотной, почти осязаемой. Он слышал только собственное дыхание — слишком громкое, слишком частое. И где-то глубоко, за стенкой салона, почти неуловимо — гул двигателя. Машина работала на холостых, но не двигалась. Они ждали. Ждали чего-то. Или просто давали ему время понять, что он здесь не по своей воле.

Дэвид сжал пакеты в руках. Хлеб и сыр, бутылка вина. Смешно. Он всё ещё держал их, как дурак. Но почему-то не мог разжать пальцы.

Он пытался разглядеть что-то в темноте. Очертания сиденья напротив, блеск хрома на дверной ручке, силуэт водителя за стеклом — ничего. Только чёрная, бархатная пустота. И запах кожи. И горькие духи, которые казались слишком старыми для этого салона, слишком чужими.

Прошла минута. Может, две. Дэвид перестал считать. Потом зажёгся свет.

Не яркий, не резкий — тусклый, желтоватый, как от старой настольной лампы. Он вспыхнул над сиденьем напротив, и Дэвид зажмурился на секунду, привыкая.

Напротив него сидел мужчина.

Высокий — даже сидя, это было заметно. Широкие плечи обтягивал костюм тёмно-синего цвета, сшитый так, что каждая складка лежала идеально. Галстук серебристо-серый, запонки на манжетах тускло блеснули золотом — не кричащим, не дешёвым. На запястье часы. Дэвид не разбирался в марках, но он знал, что такие стоят как их дом.

Лицо мужчины было красивым. Не приятным, а именно красивым: правильные черты, гладкая кожа, аккуратно уложенные светлые волосы, расчёсанные на пробор. Голубые глаза, светлые, почти прозрачные, смотрели спокойно и ровно — будто просвечивали насквозь, как на рентгеновском снимке. Он мог бы быть актёром из старого кино, или дипломатом, или тем, кто привык отдавать приказы, не повышая голоса.

Но Дэвид не обманывался этой красотой. Он смотрел в его глаза и чувствовал, как сердце начинает биться медленнее, будто пытается подстроиться под ритм этого человека. Мысли становились вязкими, как будто в них налили мёду. Он хотел сказать что-то, спросить, кто он, что ему нужно, но слова застревали в горле.

Он вспомнил старые фотографии, которые видел в университете. На них были люди в серой форме, с такими же светлыми волосами и пустыми глазами. Они стояли перед картами, перед столами. Дэвид всегда думал, что они были монстрами. Но теперь он понял, что монстры выглядят именно так. Не как чудовища из фильмов ужасов, а как люди, которые научились быть безупречными.

Дэвид посмотрел на мужчину и понял, что тот не просто сидит напротив него. Он смотрит на него так, как смотрит хищник на добычу, которая уже загнана в угол, но ещё не знает об этом. Он не торопится. У него есть время. У него есть власть. И он знает это.

Дэвид чувствовал, как воздух в машине становится плотнее, как каждый вдох даётся ему с трудом. Он чувствовал, как тело начинает дрожать, хотя он не хотел этого. Он пытался сохранить спокойствие, пытался думать о Саре, о Томми, о доме, но всё это казалось далёким, как воспоминания из другой жизни.

Дэвид сжал кулаки. Он не знал, что скажет этот человек. Он не знал, что сделает. Но он знал, что не позволит ему победить. Даже если это будет стоить ему жизни.

— Итак, гер Моррисон, — проговорил он, и немецкий акцент был отчётливым, почти музыкальным. — Очень рад наконец-то познакомиться с вами.

Он улыбнулся. Улыбка была вежливой, но не касалась глаз.

Дэвид молчал. Горло пересохло, язык прилип к нёбу. Он сглотнул и заставил себя выдохнуть.

— Что вам от меня нужно? — спросил он. Голос был хриплым, но он держал его ровно, насколько мог.

Мужчина наклонил голову, будто услышал что-то забавное.

— О, от вас, гер Моррисон, мне ничего не нужно.

Пауза. Дэвид почувствовал, как в груди что-то сжалось. Где-то в глубине он уже знал, что последует дальше, но его мозг отказывался принимать это. Он не хотел слышать следующие слова.

— Мне нужен Томас, — продолжил незнакомец, и голос его стал мягче, доверительнее, будто он делился чем-то личным. — Ваш сын.

Дэвид перестал дышать.

Лёгкие сжались, горло перехватило спазмой, и он смотрел на человека напротив, пытаясь понять, что тот только что сказал. Слова повисли в воздухе, как пули, которые ещё не достигли цели, но уже оставляли за собой свистящий след.

Внутри что-то оборвалось. Сердце замерло на миг, а затем забилось быстрее, громче, будто пыталось вырваться из груди. В ушах зашумело, и он услышал собственное дыхание — прерывистое, хриплое, как у человека, который только что вынырнул из воды.

Он хотел броситься на этого человека, схватить его за горло, разбить его красивое лицо о стекло. Хотел сказать, что убьёт, если тот приблизится к его сыну. Но тело не слушалось. Он сидел неподвижно, и пальцы впивались в сиденье так, что костяшки побелели.

«Они знают о Томми. Они знают, кто он. Они знают, что он умеет».

Он смотрел в глаза незнакомца — светлые, прозрачные, безэмоциональные — и чувствовал, как внутри поднимается ледяная волна. Это был не страх. Страх он мог бы контролировать. Это было что-то другое: чувство, что он потерял контроль над реальностью, что мир, в котором он жил, был иллюзией, а этот человек только что разрушил её одним предложением.

«Они хотят забрать моего сына».

Эти слова повторялись в его голове, как заезженная пластинка. Он пытался найти в них логику, найти способ опровергнуть их, но они были слишком чёткими, слишком реальными. Они врезались в его сознание, как гвозди в гроб.

В груди осталась только пустота — глухая, как темнота за тонированными стёклами. Руки дрожали, холод пробежал по спине, голос отказывался повиноваться. Он хотел спросить: «Зачем?» Он хотел спросить: «Почему?» — но слова застревали в горле, как кости.

Он смотрел на мужчину, на его светлые глаза, на его безупречный костюм, на золотые запонки, которые стоили больше, чем Дэвид зарабатывал за месяц.

— Вы не подойдёте к нему, — сказал Дэвид, и его голос сорвался на шёпот. Пакеты в руках дрогнули. — Вы даже не приблизитесь. Я вызову полицию. Я...

— Гер Моррисон, — перебил мужчину мягко, почти ласково. — Пожалуйста.

Он вытащил из внутреннего кармана пиджака тонкий портсигар, открыл его, но не закурил. Просто держал в руках, как игрушку, — привычным жестом, который успокаивал нервы.

— Вы приехали во Францию, чтобы найти ответы, — продолжал он. — Мы знаем, что вы искали. Мы знаем, что вы нашли архив. Документы. Фотографии. Фамилию Лоуэн.

Дэвид вздрогнул — не от холода и не от испуга, а так, будто его ударило током. Тело отреагировало раньше, чем разум. Слова незнакомца проникли под кожу, заставив его мышцы напрячься.

«Они знают. Они всё знают».

Мысли металась в его голове, как птицы в клетке. Он думал, что они были осторожны. Думал, что Сара и Томми были в безопасности. Но теперь он понял, что их путешествие, их поиски, их секреты — всё это было открытой книгой для человека, который сидел напротив и смотрел на него с пугающим спокойствием.

Он вспомнил, как они стояли в библиотеке, перебирая документы. Им казалось, что они — охотники, которые ищут правду. Но теперь Дэвид понимал: всё это время они были добычей, которую подгоняли к охотнику, и она шла в его руки сама.

Он смотрел на незнакомца, и дыхание становилось прерывистым. Внутренности сжимались, страх поднимался от груди к горлу, пытаясь вырваться наружу. Он хотел спросить, откуда они знают, но не мог произнести ни звука.

— Вы знаете, — сказал мужчина, и его голос стал чуть твёрже, но оставался всё таким же вкрадчивым, — что ваш сын не просто ребёнок. Вы знаете, что он может делать.

Незнакомец сделал многозначительную паузу. Медленную, тягучую, как капли воды, которые падают с потолка в пустом подвале. Дэвид чувствовал, как эта пауза давит на него, как гнетущее молчание, которое ждёт, когда он произнесёт хоть слово.

Но он не мог. Он только сидел и смотрел в эти светлые, прозрачные глаза, которые впились в его душу, как иглы.

— Но вы не понимаете одного... Вы, ваша жена, весь мир в большой опасности.

Глава 2

Спэнглер. Тихий городок на северо-востоке Огайо, где река Кроуфорд петляла между фермами и лесами, а главной достопримечательностью была водонапорная башня с облупившейся краской. Дэвид родился здесь в 1971 году. Отец, Уильям Моррисон, работал на заводе по производству сельхозтехники — восемь часов у конвейера, руки в ссадинах, кожа, пропитанная соляной кислотой. Мать, Маргарет, держала небольшую пекарню при доме, и её булочки знали все соседи. Они были не бедными, но и не богатыми — та самая американская глубинка, где люди знают друг друга по имени, а по вечерам собираются в баре «У Сида», чтобы обсудить погоду и местный футбол.

Дэвид был единственным ребёнком, поздним, неожиданным — мать родила его, когда ей уже было под сорок. Отец относился к нему с суровой, молчаливой любовью, которая проявлялась только в том, что он иногда клал тяжёлую ладонь на плечо сына и говорил: «Молодец, парень». Мать была мягче, она читала ему вслух по вечерам, пока он лежал в кровати и смотрел, как за окном гаснет жёлто-зелёный свет летнего Огайо.

Именно мать привила ему любовь к книгам. Именно она подарила ему на десятый день рождения потрёпанный том «Истории западной цивилизации» с картинками греческих храмов и римских акведуков. Дэвид зачитал его до дыр. Ему казалось, что прошлое — это огромный, тёмный лес, полный историй, и он может идти по нему бесконечно, раздвигая ветви и находя всё новые и новые тропы. Отец не понимал этого увлечения — он говорил, что «история не накормит», и что сыну стоило бы пойти в техникум, как все нормальные парни. Но Дэвид упёрся. К шестнадцати годам он уже точно знал, что будет учителем истории.

— Ты же с ума сойдёшь с этими книгами, — ворчал Уильям, но в его голосе не было злости. Только усталая покорность. — Учителя гроши получают, Дэйв. Ну, ты сам знаешь.

Дэвид замялся. Он стоял в дверях кухни, сжимая в руках потрёпанный том «Истории западной цивилизации». Книга была старой, с выцветшими страницами и запахом пыли, но он перечитывал её уже в сотый раз, и каждый раз находил что-то новое. Он хотел рассказать отцу о том, как его захватывает этот мир, о том, как он чувствует себя частью чего-то большего, чем их маленький городок. Но слова застревали в горле.

— Это не про деньги, пап, — отвечал Дэвид. — Это... это про то, что я чувствую, когда читаю.

Он хотел сказать больше. Хотел рассказать о том, как он сидел ночью за столом, читая о битвах и империях, и чувствовал, как время перестаёт существовать. Как он представлял себя на месте тех людей, которые строили города и разрушали их, которые умирали и воскресали на страницах книг. Как он видел лица людей, которых уже нет, и слышал их голоса в тишине своей комнаты.

Он хотел рассказать о том, что история — это не просто факты и даты. Это способ понять, почему мир стал таким, какой он есть. Почему люди делают то, что делают. Почему они любят и ненавидят, строят и разрушают, помнят и забывают.

Он хотел сказать, что, когда он читает, он чувствует себя живым. Что это единственное место, где он чувствует, что он не одинок.

Но он не мог произнести эти слова. Они казались слишком большими, слишком сложными, слишком личными. Он боялся, что отец не поймёт. Боялся, что тот усмехнётся и скажет: «Опять фантазируешь, Дэйв». Боялся, что он покажется ему странным, не таким, как все.

Вместо этого он просто смотрел на отца, стоявшего у кухонного стола с чашкой кофе в руке. Уильям вздохнул, поставил чашку и посмотрел на сына. В его глазах не было злости,

только усталая покорность человека, который привык, что жизнь — это работа, счета и забота о семье. Он не понимал, как можно мечтать о чём-то, что не приносит денег.

— Я просто хочу, чтобы ты знал, Дэйв, — сказал он, и его голос стал тише. — Я хочу, чтобы ты был счастлив. Если книги делают тебя счастливым... ну, пусть так.

Дэвид почувствовал, как его сердце сжалось. Он не ждал этих слов. Он думал, что отец скажет что-то вроде «вырастешь — поймёшь» или «займись делом». Но он сказал это. Просто, без лишних слов. И в этом было больше понимания, чем в любом долгом разговоре.

— Спасибо, пап, — тихо сказал он.

Уильям кивнул, отвернулся и снова взял чашку. Дэвид стоял в дверях, чувствуя, как его руки всё ещё сжимают книгу. Он не знал, как объяснить отцу свою тягу к истории. Но он надеялся, что однажды, когда он станет учителем, отец поймёт, что его выбор был правильным.

Он надеялся, что когда-нибудь Уильям увидит его перед классом, услышит, как он рассказывает о прошлом, и почувствует гордость. Не за деньги, не за статус, а за то, что его сын делает то, что любит.

Дэвид тихо закрыл дверь и пошёл в свою комнату, прижимая книгу к груди. За окном уже темнело, и он знал, что сегодня будет читать до поздней ночи, пока глаза не начнут слипаться. Но он знал, что это того стоило.

Он уехал в университет штата Огайо в Колумбусе в 1989 году. Первые месяцы были головокружением: огромные аудитории, профессора с седыми бородами и запахом старой бумаги, библиотека, где можно было потеряться на день и не заметить, как пролетело время.

Шла четвёртая неделя семестра, и Дэвид уже начал привыкать к звукам, которые заполняли его комнату в общежитии. Храп Стива, как отбойный молоток. Свистящее дыхание Марка, который спал на верхней койке и каждую ночь устраивал концерт для всей комнаты. Скрип кровати Тома, который вечно ворочался, даже во сне.

Дэвид сидел на своей кровати, закутавшись в одеяло, и читал при свете настольной лампы. Он был погружён в книгу о падении Римской империи и не заметил, как за окном уже давно стемнело. Всё было тихо. Слишком тихо. И вдруг свет погас.

Дэвид поднял голову, но вокруг была только темнота. Он откинул одеяло и пощёлкал выключателем — безрезультатно. В темноте он ничего не видел.

— Стив? — прошептал он. — Стив, ты не спишь?

Храп продолжался, как ни в чём не бывало.

— Марк? Том?

Свистящее дыхание и скрип кровати — это были единственные ответы.

Дэвид вздохнул. Он решил, что это просто выбило пробки. Он встал, нащупал ногами пол и начал медленно двигаться к двери, вытянув руки вперёд, как слепой.

— Чёрт, — пробормотал он, ударившись коленом о стул. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Он нащупал ручку двери и вышел в коридор. Там тоже было темно. Он прошёл несколько метров, споткнулся о чей-то рюкзак и чуть не упал. Он уже хотел вернуться, когда услышал тихий смех из своей комнаты. Дэвид замер.

Он медленно повернулся и прислушался. Смех доносился из-за двери, и он был похож на смех его соседей — тот самый, которым они обменивались, когда замыслили какую-нибудь пакость.

Он толкнул дверь и увидел, что свет в комнате снова горит. Стив, Марк и Том стояли вокруг его кровати с фонариками в руках и улыбались, как нашкодившие дети.

— Что вы делаете? — спросил Дэвид, уставившись на них.

— Мы решили, что тебе пора отдохнуть, — сказал Стив с широкой улыбкой. — Ты уже третью ночь не спишь, читаешь свои книжки. Мы просто хотели, чтобы ты выключил свет и лёг спать.

— Так вы выключили свет во всей комнате? — спросил Дэвид, чувствуя, как его челюсть отвисает.

— И в коридоре тоже, — добавил Марк с гордостью. — Мы нашли щиток. Очень легко.

— И ты ходил как слепой, — хихикнул Том. — Мы так смеялись!

Дэвид стоял, и его лицо медленно расплывалось в улыбке. Он не мог злиться на них. Они были его соседями, его друзьями, его... странной семьёй.

— Вы знаете, что если бы я не нашёл свет, то прочитал бы книгу в темноте? — сказал он.

— Ага, — ответил Стив, включая свет в комнате. — Но мы знали, что ты не выдержишь.

Он подмигнул, и Дэвид засмеялся.

— Идиот, — сказал он, качая головой. — Все вы идиоты.

Он лёг в кровать, выключил лампу и закрыл глаза. Его соседи снова начали храпеть и свистеть, но теперь этот звук казался ему почти приятным. Почти.

Он улыбнулся в темноте и подумал, что это был лучший вечер за всё время. Ему нравилась сама атмосфера университета — чувство, что ты находишься в центре потока, что ты часть чего-то большего.

Дэвид выбрал специализацию по европейской истории двадцатого века. На втором курсе попал на семинар профессора Грейсона, старого ворчуна, который специализировался на истории Второй мировой войны. Грейсон был из тех преподавателей, которые не прощают неточностей — он мог разнести студента за одну неверную дату, но зато его лекции были настолько живыми, что Дэвид забывал, как дышать. Особенно когда профессор говорил о нацистской Германии, о концлагерях, о том, как человек может превратить другого человека в цифру и пепел. Дэвид слушал и чувствовал, как внутри поднимается холодная, липкая волна — смесь ужаса и отвращения. Он запоем читал книги о Холокосте, о мемуарах выживших, о документах, которые до сих пор всплывают в архивах. Это была тёмная сторона истории, и она притягивала его с силой магнита.

Но в университете была и светлая сторона. Дэвид встретил Дженнифер Райт — девушку с рыжими волосами и веснушками, которая тоже училась на историческом факультете. Они вместе ходили на лекции, пили дешёвый кофе в студенческом кафе, спорили о политике и целовались в подсобке библиотеки. Дженнифер была первой любовью, и Дэвид был уверен, что они будут вместе вечно. Он даже купил ей кольцо в ювелирном магазине на окраине Колумбуса — дешёвое, серебряное, с крошечным камушком, но она тогда плакала и говорила: «Да, да, я согласна». Они расписались через три месяца после того, как Дэвид получил диплом и нашёл работу в школе в соседнем округе.

Та работа была первой, и она оказалась сложнее, чем он себе представлял. Дэвид устроился в школу в Боулдер-Пайнс — маленьком городке, где все друг друга знали.

Главная улица, Элм-стрит, состояла из трёх кварталов. На первом — аптека Миллера, где пахло мятными леденцами и аспирином, и где миссис Миллер, высохшая женщина с вечно закатанными рукавами, продавала открытки и газеты. На втором — кафе «У Мэй», которое работало с шести утра до двух часов дня, потому что после обеда все и так сидели по домам, а булочки с корицей, которые пекла сама Мэй, были единственным, что заставляло людей вставать по утрам. На третьем — церковь Святого Марка, куда ходили все, кто не был католиком, а католики ездили в соседний Уэллс-Фоллс. На углу стоял бар «Рыжий пёс», единственное место в городе, где можно было купить пиво после восьми вечера, но туда Дэвид заходил всего пару раз — после того, как его коллега, учитель физкультуры, напоил его дешёвым виски, и Дэвид проспал на лавке до утра.

Жизнь в городке текла медленно, как масло по сковороде. Она подчинялась расписанию, которое никто не устанавливал, но все знали: в понедельник — почта, во вторник — завоз продуктов в магазин, в среду — хор в церкви, в четверг — ничего, в пятницу — футбол, в субботу — ярмарка на площади, в воскресенье — месса и обед у родителей.

Футбольные матчи были главным событием недели. Стриженные поля, где мальчишки гоняли мяч в грязи, пока их матери кричали с трибун, а отцы пили пиво из пластиковых стаканчиков и обсуждали, кто из ребят поедет в колледж. Дэвид ходил на эти матчи не потому, что любил футбол, а потому, что иначе он ни с кем бы не разговаривал. Он стоял на трибуне, сжимая в руках бумажный стаканчик с холодным чаем, и слушал, как соседи обсуждают цены на бензин, новый трактор Джонсона и то, что у миссис Бейкер опять украли газонокосилку. Ему было странно, что его жизнь могла вращаться вокруг таких вещей, но он не знал, как рассказать о книгах, о прошлом, о Риме и Греции людям, которые считали, что мир заканчивается за холмами.

Субботние ярмарки были вторым по значимости событием. Они проходили на площади, где ставили палатки с домашним вареньем, поделками и старыми вещами. Здесь же продавали жареный картофель и сладкую вату. Дети бегали с воздушными шарами, а старики сидели на лавках и вспоминали, как было раньше. Дэвид часто покупал там старые книги, которые кто-то выбрасывал, — за полдоллара можно было найти томик Диккенса или потрепанного «Трёх мушкетёров». Он складывал их в рюкзак и уходил в парк, где садился на скамью и читал до заката, пока небо над головой становилось оранжевым, а ветер начинал дуть с холмов, принося запах скошенной травы.

Иногда вечером, когда он шёл домой мимо закрытого кафе и тёмной церкви, он смотрел на звёзды, которые здесь были ярче, чем в городе, и думал о том, что его жизнь похожа на эту звёздную ночь — тихая, глубокая, но без движения. Ему казалось, что он застрял в этом городке, как муха в янтаре, и единственное, что его спасало, — это книги, которые переносили его в другие миры, где что-то происходило, где люди жили полной жизнью.

Но он не жаловался. Он просто ждал. Ждал, пока его жизнь изменится. И она изменилась — но не так, как он мог себе представить.

Он преподавал историю в старших классах. Восемь часов в день он стоял у доски, объяснял ученикам про Потсдамский договор и Берлинскую стену, а вечером проверял тетради, сидя в крошечной арендованной квартирке, где пахло плесенью и старыми коврами. Дженнифер работала продавщицей в книжном магазине — она говорила, что это «почти литература». Но со временем их отношения начали трещать по швам. Слишком много работы, слишком мало денег, слишком мало времени для двоих. Дженнифер хотела детей, Дэвид хотел сначала сделать карьеру. Они ссорились по пустякам — из-за того, кто вынесет мусор, из-за того, куда они поедут в отпуск. К концу второго года брака они почти не разговаривали. А потом Дженнифер ушла.

Она сказала, что встретила другого. Это было в среду, вечером, после того, как Дэвид вернулся из школы с пачкой контрольных работ. Дженнифер сидела за кухонным столом, сложив руки перед собой, и смотрела в стену. Она не плакала. Она сказала: «Дэйв, я ухожу. К Марку. Ты его не знаешь».

Он не плакал.

Дэвид сел на кухонный стул, который всё ещё хранил её тепло, и уставился в стену. Он смотрел на то место, где она сидела всего час назад, и его мозг отказывался принимать, что она больше не вернётся. Он ждал, что вот-вот откроется дверь, и она войдёт, скажет, что пошутила, что ей просто нужно было проветриться. Но дверь оставалась закрытой. Тишина в доме стала густой, тягучей, и он чувствовал, как она просачивается в каждую щель, в каждую трещину в его душе.

Он встал, подошёл к спальне и увидел кольцо на тумбочке. Оно лежало на том месте, где она его оставила, и в тусклом свете ночника оно казалось чужим, как будто никогда не принадлежало ему. Он взял его в руки и почувствовал, как его пальцы сжимаются вокруг металла. Оно было холодным, как лёд.

Дэвид хотел выбросить его. Он хотел открыть окно и швырнуть его в темноту, чтобы никогда больше не видеть. Но он не мог. Его рука застыла в воздухе, как будто кто-то остановил время. Он стоял, сжимая кольцо в ладони, и чувствовал, как его дыхание становится прерывистым.

Он не мог позволить себе заплакать — если бы он заплакал, то сломался бы окончательно. У него была работа, уроки, ученики, которые ждали его. Он должен был держаться, даже если внутри него всё рушилось.

Он остался один. Работа стала его спасением — он загружал себя проверкой тетрадей, подготовкой факультативов, экскурсиями с учениками в местный музей. Он научился жить в одиночестве, хотя по вечерам его посещала тихая, грызущая тоска. Дэвид не пил, не искал утешения в случайных связях. Он просто ждал — сам не зная, чего.

В 2005 году, когда Дэвиду было тридцать четыре, он решил сменить обстановку. Он переехал в школу в Лейквуд — городок чуть больше Боулдер-Пайнс, но всё ещё достаточно тихий и провинциальный. Там была хорошая библиотека, приличное историческое общество и, как ему сказали на собеседовании, «очень дружный коллектив». Дэвид снял небольшую квартиру на окраине, завёл кота, который появился на пороге в дождливую ночь и так и остался жить с ним. Он думал, что его жизнь устоялась, что дальше будет просто — год за годом, урок за уроком, летние каникулы и возвращение к школе в сентябре.

Но судьба — как часто бывает в книгах, которые Дэвид так любил, — приготовила ему другой поворот.

Он встретил Сару в местной больнице. Это было в начале октября 2006 года. Один из его учеников, Джейкоб Ривз, сломал руку на уроке физкультуры — неуклюже упал с брусев, и Дэвид, который дежурил в тот день, повёз его в приёмный покой. Джейкоб плакал и ругался, а Дэвид пытался его успокоить, обещая, что ему наложат гипс и всё заживёт. В больнице было шумно и пахло хлоркой. Дэвид сидел в коридоре на пластиковом стуле, ждал, когда привезут результаты рентгена, и разглядывал выцветшие плакаты о здоровом питании.

Сара подошла к нему через двадцать минут. Дэвид смотрел на неё, и его дыхание на мгновение остановилось. Ему не было страшно — он просто забыл, как дышать. Сара стояла перед ним в своей голубой форме, и он видел, как свет из коридора падает на её лицо, делая его мягким и тёплым. Её глаза цвета тёмного шоколада смотрели на него с любопытством, и в их глубине он заметил что-то, чего не мог объяснить. Может быть, свет. Может быть, улыбка, которая не исчезла даже после того, как она опустила голову.

Дэвид не мог отвести от неё взгляд. Он смотрел на неё, как смотрят на что-то, что давно искали.

— Вы мистер Моррисон? — спросила она, и её голос был мягким, как шёпот ветра. — Тот, который привёз мальчика?

Дэвид кивнул. Он хотел сказать что-то, но слова застряли в горле. Он просто стоял, глядя на неё, и чувствовал, как его сердце бьётся быстрее, как будто пыталось вспомнить, что оно ещё живое.

Она улыбнулась — коротко, но тепло, и в этой улыбке было что-то, что заставило его замереть на мгновение. Он не мог объяснить, что это было — может быть, свет в её глазах, или то, как она держала голову, чуть набок, словно прислушиваясь к чему-то, что слышала только она.

— Я Сара, — сказала она. Они разговорились. Пока Джейкоба гипсовали, они стояли в коридоре — Дэвид в куртке с пятнами от дождя, Сара с папкой в руках. Она рассказала, что работает здесь уже три года, что живёт недалеко, что любит читать детективы. Дэвид слушал её голос, который был ровным и мягким, как летний ветер. Они обменялись номерами телефонов.

— Мальчик уже в порядке, но если хотите, я провожу вас к нему.

— Да, спасибо, — сказал он, и его голос прозвучал хрипло, как у человека, который долго молчал.

Они пошли по коридору, и он смотрел на неё, не отрывая взгляда. Он видел, как её волосы собраны в небрежный хвост, как она идёт, легко касаясь пола, будто она плывёт над ним. Он видел, как она улыбается медсестре, стоящей у стойки, как её руки держат папку с документами, как она смотрит на него с лёгкой заботой.

Он чувствовал, как внутри него поднимается что-то тёплое, что-то, чего он не чувствовал уже много лет. Это не было любовью — он знал это слишком хорошо, чтобы путать. Это было что-то другое. Надежда. Свет в конце тоннеля, который он считал пустым.

Они остановились у палаты, и Сара повернулась к нему.

— Он здесь, — сказала она, указывая на дверь. — Можете зайти, если хотите.

Дэвид посмотрел на неё, и в его глазах было больше, чем он мог выразить словами.

— Спасибо, — сказал он, и его голос дрогнул. — Спасибо вам.

Она улыбнулась снова, и на этот раз улыбка была шире.

— Не за что, — сказала она. — Это моя работа.

Она развернулась и пошла обратно по коридору. Дэвид стоял, глядя ей вслед, и чувствовал, как его сердце продолжает биться быстрее. Он не знал, что это значит, но он знал, что это что-то важное.

Дэвид позвонил ей через два дня — не выдержал. Пригласил на кофе. Она согласилась, и они встретились в маленькой кофейне на углу улиц Эйвондейл и Кроули. Они сидели за столиком у окна, пили американо с корицей, и Дэвид рассказывал ей о своей работе, о книге по истории Гражданской войны, которую писал, но никак не мог закончить. Сара смеялась, когда он начинал слишком увлекаться деталями. Она сказала: «Ты слишком серьёзный, Дэйв. Тебе иногда полезно забыть про историю и просто посмотреть на закат». Эти слова запали ему в душу.

Через месяц они встречались уже два-три раза в неделю. Дэвид влюбился как мальчишка — он перестал проверять тетради по вечерам, начал следить за тем, как выглядит, даже купил новый пиджак, хотя старый был ещё вполне приличный.

Дэвид и Сара поженились через год. Дождливое утро. Серое, прохладное, с запахом мокрого асфальта и свежести, которая бывает только перед долгим ливнем. Дэвид стоял у окна в своей маленькой квартирке, которую они с Сарой снимали последние три месяца, и смотрел, как капли стекают по стеклу. Он чувствовал, как его сердце бьётся ровно и спокойно — не как тогда, в больнице, когда он впервые увидел её, а как-то по-другому. Тепло, уверенно, будто оно знало, что этот день настанет.

Они решили не устраивать пышной церемонии. Никакого белого платья с фатой, никакого зала на двести человек, никакого оркестра. Только они, мэрия, два свидетеля и бутылка шампанского, которую они купили вчера вечером в магазине на углу.

Дэвид надел свой единственный костюм — тот, который он носил на собеседования и на похороны отца. Он был немного староват, но сидел хорошо. Он посмотрел на себя в зеркало и улыбнулся. Ему показалось, что он выглядит не так уж плохо для человека, который почти разучился улыбаться.

Сара приехала за ним на своей старой машине — «Хонде» с облезшим левым крылом, которую она называла «Верой». Она вышла из машины, и Дэвид замер. На ней было простое светлое платье до колен, без вычурных украшений, только серебряная цепочка на шее — та самая, которую он подарил ей на день рождения. Она не надела фату, но в волосах у неё была маленькая белая роза, которую она, наверное, купила у цветочницы на углу.

Она улыбнулась так, как улыбалась только ему, и Дэвид почувствовал, как его дыхание перехватило. Он подошёл к ней, взял её руку и поцеловал.

— Ты красивая, — сказал он, и его голос был тихим, но тёплым, как солнечный луч, пробивающийся сквозь облака.

— Ты тоже, — ответила она, и в её глазах блеснули слёзы. — Ты просто красавчик, Дэвид Моррисон.

Они поехали в мэрию. Дорога была короткой — всего несколько кварталов, но Дэвид запомнил каждую минуту. Дождь, который начал накрапывать, когда они подъехали к зданию. Запах мокрой травы и асфальта. Сара, которая держала его за руку так крепко, что он чувствовал её пульс.

В мэрии было тихо и пусто. Только они и два свидетеля — его коллега из школы, молодой учитель математики, и медсестра, которая работала с Сарой в одной смене. Никто не кричал, не бросал рис, не играл свадебный марш. Только голос чиновника, который прочитал им стандартные слова, и их собственные голоса, когда они произносили «да».

Дэвид смотрел на Сару и чувствовал, как его сердце наполняется чем-то, чего он не чувствовал уже много лет. Он вспомнил ту пустоту после развода с Дженнифер, те долгие ночи, когда он сидел один в квартире и смотрел в стену. Он вспомнил, как боялся открыться снова, как боялся, что его снова ранят. Но Сара была другой. Она не требовала от него ничего, кроме того, чтобы он был рядом.

— Объявляю вас мужем и женой, — сказал чиновник, и Дэвид почувствовал, как его глаза наполняются слезами.

Они поцеловались — коротко, но нежно, и в этом поцелуе было обещание того, что они будут вместе всегда.

Вечером они сидели на диване в своей маленькой квартире, укутавшись в старый плед, который Сара привезла из дома. Дождь за окном всё шёл, и его звук был успокаивающим, как колыбельная. На столике стояла бутылка шампанского, которую они уже наполовину выпили, и два бокала, которые она выиграла на городской ярмарке много лет назад.

— Ты счастлив? — спросила она, глядя на него своими тёмными, тёплыми глазами.

Дэвид посмотрел на неё, на её улыбку, на её руки, которые сжимали его ладонь, и почувствовал, как внутри него разливается то, что он не мог объяснить словами.

— Да, — сказал он, и его голос дрогнул. — Я счастлив. Впервые за много лет.

Она улыбнулась и прижалась к нему, и они сидели так, слушая дождь, пока за окном не стемнело.

Дэвид не знал, что ждёт их впереди. Но в этот момент, сидя на диване с Сарой, он чувствовал себя в безопасности. Он чувствовал, что всё будет хорошо.

— Я люблю тебя, — прошептал он.

— Я тоже, — ответила она, и голос её был едва слышен.

Они сидели в тишине, слушая, как капли стучат по крыше, и Дэвид чувствовал, как его сердце бьётся ровно и спокойно. Впервые за много лет он знал, что он не один. Что он наконец-то нашёл свой дом.

А потом, в 2010 году, родился их сын. Дэвид стоял в приёмном покое той же больницы, где он когда-то встретил Сару, и смотрел на маленькое, сморщенное существо, которое кричало и шевелило кулачками. Он дал ему имя Томас — в честь святого Фомы, покровителя сомневающих. Это была его маленькая ирония — он всегда сомневался, всегда искал ответы.

Сначала всё было как у всех — первые зубы, первые шаги, лепет, который постепенно превращался в слова. Но уже тогда Дэвид замечал странности. Томми мог подолгу смотреть в пустой угол комнаты, улыбаться чему-то невидимому, тянуть руки к тому, чего не было. Дэвид списывал это на богатое воображение — дети часто видят то, чего нет. Сара тоже отмахивалась, говорила, что это нормально, что дети все такие.

Но потом началось нечто, что нельзя было списать на фантазию.

Первый раз это случилось ночью. Томми было около года. Дэвид проснулся от странного света — белого, холодного, с голубоватым отливом. Свет пробивался из-под двери спальни Томми, ровный и пульсирующий, как если бы за дверью зажгли ртутную лампу. Дэвид разбудил Сару. Они вышли в коридор, осторожно открыли дверь, и их глазам открылось зрелище, которое они не могли забыть.

Дэвид вцепился в дверной косяк, и его пальцы побелели от напряжения. Он смотрел на сына, и его разум отказывался принимать то, что он видел.

Томми лежал в кроватке, но это не был его сын. Не тот, кого он держал на руках всего несколько часов назад, когда укладывал спать. Не тот, чьи глазки были такими же голубыми, как у его отца. Это было что-то другое. Его кожа была прозрачной, как стекло, и изнутри шёл ровный, белый свет, который заполнял всю комнату. Он делал её стерильной, чужой, как операционная. Каждая тень исчезла, каждый угол стал видимым, и Дэвид чувствовал, как этот свет проникает в его глаза, в его мозг, в его душу.

Дэвид смотрел, как над кроваткой, по кругу, летают игрушки. Плюшевый мишка, которого он подарил Томми на первый день рождения. Заяц с оторванным ухом, который Сара купила на распродаже. Лисёнок с пуговичными глазами, который казался Дэвиду немного жутковатым, но Томми любил его больше всех. Они двигались плавно, беззвучно, как планеты вокруг солнца, подчиняясь невидимой силе, которая исходила от его сына.

Дэвид хотел войти, хотел схватить Томми, прижать его к груди, выключить этот свет, остановить этот танец игрушек. Но его ноги приросли к полу. Он смотрел на сына, и у Томми зрачки были расширены так, что радужки почти не было видно. Он не плакал. Он не кричал. Он просто лежал и улыбался. Той беззубой, младенческой улыбкой, которая вдруг показалась Дэвиду чужой. Не человеческой.

И тогда Дэвид впервые почувствовал страх. Нет. Страх он мог бы вытерпеть. Это было что-то другое. Холод, который поднимался откуда-то из глубины его существа. Его сын был здесь, но его не было. Томми ушёл куда-то, где Дэвид не мог его найти. И он не знал, вернётся ли он.

Сара стояла рядом с ним, и её рука сжимала его руку так сильно, что он чувствовал, как дрожат её пальцы. Её лицо было бледным, как бумага, и она смотрела на сына с тем же ужасом, который он чувствовал внутри себя. Но она не отворачивалась. Она смотрела, впитывая этот образ, запоминая его, чтобы никогда не забыть.

— Дэйв, — прошептала она. — Что с ним?

Дэвид не знал ответа. Он смотрел на своего сына, на его прозрачную кожу, на летающие игрушки, на его чужую улыбку, и чувствовал, как его мир рушится.

— Я не знаю, — ответил он, и голос его сорвался. — Я не знаю, Сара. Я просто не знаю.

Он хотел сказать ей, что всё будет хорошо, что они разберутся, что это просто какая-то болезнь, которую можно вылечить. Но он не мог. Он не мог лгать ей, потому что она видела то же, что и он. Она чувствовала то же, что и он.

Внутри Дэвида что-то надломилось. Он смотрел на своего сына и понимал, что он не сможет защитить его от того, что с ним происходит. Он не понимал, что это за сила, и не знал, как её контролировать. Всё, что он мог сделать, — это стоять на пороге, смотреть и чувствовать, как его душа разрывается на части.

Он не знал, сколько времени они так стояли. Может быть, минуту. Может быть, час. Время перестало существовать. Было только это: свет, игрушки, которые вращались по кругу, и его сын, который улыбался, глядя в пустоту.

А затем свет погас. Томми закрыл глаза, его лицо стало обычным, и он засопел, как любой другой младенец. Игрушки упали на одеяло, мягко, бесшумно. В комнате снова стало темно, и только дождь за окном напоминал о том, что мир продолжает существовать.

Дэвид стоял на пороге, не в силах пошевелиться. Его дыхание было прерывистым, и он чувствовал, как его руки дрожат. Он смотрел на спящего сына, и в его голове крутилась одна мысль.

Что с ним? Что мы сделали не так?

Сара подошла к кровати и наклонилась, поправляя одеяло. Её руки дрожали, но она не плакала. Она была сильнее, чем он. Она всегда была сильнее.

— Мы не скажем никому, — прошептала она, не поворачиваясь. — Мы никому не скажем.

Дэвид кивнул, хотя она не могла этого видеть. Он знал, что она права. Если они расскажут кому-то, Томми заберут. Начнутся анализы, обследования, вопросы. Его сын станет лабораторным кроликом. И он этого не допустит.

Он подошёл к ней, обнял её за плечи, и они стояли у кровати, глядя на своего сына, который спал как ни в чём не бывало. И оба знали, что их жизнь никогда не будет прежней.

Второй случай был с цветами. Дэвид подарил Саре букет белых лилий — она любила их запах, хотя от него болела голова. Сара поставила цветы в вазу в комнате Томми, недалеко от его кровати, где они могли бы радовать глаз и добавлять уюта в детскую. Они думали, что цветы простоят несколько дней, — лилии обычно быстро вянут. Но прошла неделя. Потом две. Через месяц цветы выглядели так, будто их только что срезали. Стебли были зелёными, листья — сочными, а бутоны — свежими, будто они только раскрылись. Дэвид несколько раз проверял воду — она была прозрачной, без признаков гниения.

— Странно, — сказал он однажды вечером, разглядывая лилии. — Они должны были завянуть ещё две недели назад.

Он смотрел на цветы, и внутри него шевелилось что-то тревожное. Он не мог понять, почему они не увядают. Вода — чистая. Свет — тот же, что и в гостиной. Температура — обычная. Но что-то в этой комнате было не так. Он переводил взгляд с лилий на Томми, который сидел на ковре и перекачивал машинки, не обращая внимания на отца. Мальчик выглядел совершенно обычным — сосредоточенным, счастливым, тихим. Но что-то в его присутствии меняло мир вокруг.

— Может, в этой комнате особенный климат, — ответила Сара, но в её голосе не было уверенности. Она смотрела на цветы, потом на Томми, и её лицо было напряжённым. Она чувствовала то же, что и Дэвид, — странную тревогу, которая поселилась в их доме с тех пор, как они впервые увидели свет.

— Я проверю их завтра, — сказал Дэвид, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Наверное, это просто сорт. Некоторые лилии стоят дольше.

Но он не верил своим словам. И Сара не верила.

На следующее утро Сара решила переставить вазу в гостиную. Она сказала, что цветы слишком долго стоят в детской, что им нужен другой свет. Дэвид не спорил, хотя они оба знали, что дело не в свете. Он стоял в коридоре, когда она взяла вазу из комнаты Томми и вышла.

Она прошла несколько шагов, и он увидел, как цветы в её руках... осыпаются. Они не увяли, не засохли, не поблекли — они просто рассыпались в серый, сухой пепел, который осел на пол тонким слоем. Сара застыла, глядя на пустую вазу и прах на ковре. Её лицо стало белым, как мел, и она не могла произнести ни слова.

Дэвид подошёл к ней, не зная, что сказать. Он смотрел на пепел, который ещё недавно был белыми лилиями, и чувствовал, как холод пробегает по его спине.

— Я ничего не делала, — прошептала она. — Я просто вышла из комнаты. И они... они рассыпались.

Она опустилась на колени и смотрела на пепел, как будто ждала, что он снова превратится в цветы. Но он оставался прахом — серым, безжизненным. Дэвид присел рядом с ней, положил

руку ей на плечо, но она не реагировала. Она просто сидела и смотрела на пустую вазу, как будто видела призрака.

— Дэйв, — сказала она, и её голос дрогнул. — Что это значит?

Он не знал ответа. Он смотрел на пепел и чувствовал, как его разум пытается найти объяснение, но не находит ни одного. Это было за пределами его понимания. Что-то в комнате Томми сохраняло цветы живыми. И что-то вне её — убивало их.

— Это Томми, — сказал он, и его голос был тихим, но твёрдым. — Это он. Я не знаю, как, но это он.

Сара подняла на него глаза, и он увидел в них страх, который она старалась скрыть. Она не хотела верить в это, но она знала, что это правда. Её сын был не просто ребёнком. Он был чем-то другим.

Они сидели на полу в коридоре, глядя на пепел, и чувствовали, как их мир рушится. Они не знали, что делать. Они не знали, как защитить Томми.

Третий случай был ещё более странным. Сара стояла на кухне с Томми на руках. Он был совсем маленьким, может быть, около года, и тянулся руками к цветам, которые стояли в плошке на подоконнике. Это были обычные фиалки, которые Сара купила неделю назад, — они уже начали вянуть, листья пожелтели, бутоны поникли. Сара хотела выбросить их, но всё откладывала, и теперь они стояли на подоконнике, как напоминание о том, что даже самые красивые вещи умирают.

Томми смотрел на них с таким вниманием, что Сара замерла. Его глаза, голубые и ясные, не отрывались от цветов. Он не улыбался, он просто смотрел, как будто видел что-то, что было скрыто от неё. А потом он протянул руки, и его ладони начали светиться.

Сначала это было едва заметно — слабое, почти невидимое сияние, похожее на лунный свет, который пробивается сквозь облака. Сара затаила дыхание, чувствуя, как её сердце начинает биться быстрее. Она видела этот свет раньше, в комнате Томми, когда игрушки летали по воздуху. Но тогда она была в шоке, а сейчас — в ужасе.

Томми коснулся пальчиками лепестков, и цветы в один миг ожили. Это было не медленное восстановление — это было мгновенное чудо. Листья распрямились, стали зелёными и гладкими, как будто их только что полили. Бутоны приподнялись, раскрываясь в полную силу, и даже воздух в комнате стал свежее, как после летнего дождя. Сара почувствовала запах фиалок — нежный и сладкий, который наполнил кухню и вытеснил все остальные запахи.

Она стояла неподвижно, чувствуя, как её руки дрожат, а дыхание становится прерывистым. Она смотрела на цветы, которые только что были мёртвыми, а теперь казались живыми, и в её голове крутилась одна мысль: «Это сделал мой сын. Мой маленький сын». Потом она положила Томми в кровать, и её движения были механическими, потому что разум всё ещё не мог осознать происходящее. Она простояла у подоконника несколько минут, не в силах оторвать взгляд от фиалок. Ей казалось, что, если она отвернётся, они снова завянут.

Когда Дэвид вернулся из школы, она показала ему цветы. Они стояли на подоконнике, и ни один лист не пожелтел. Дэвид подошёл, наклонился, рассматривая их с сомнением. Он провёл пальцем по лепестку, чувствуя его мягкость, и его лицо стало напряжённым.

— Может быть, это просто хороший грунт? — сказал он, но его голос прозвучал неуверенно. Он пытался найти рациональное объяснение, потому что альтернатива была слишком страшной.

Сара посмотрела на него, и он увидел в её глазах то, что она не решалась сказать вслух. Она не верила в хороший грунт, как не верил и он. Они оба знали, что происходит что-то сверхъестественное. Что их сын был не просто ребёнком. Он был чудом. И проклятием.

— Дэйв, — сказала она, и её голос дрогнул. — Это не грунт. Это он. Томми. Ты видел, что он делал. Ты слышал, что я рассказывала.

Дэвид молчал. Он смотрел на цветы, потом на Сару, потом на Томми, который спал в своей кроватке. Его лицо было бледным, и в его глазах читался страх, который он не мог скрыть.

— Я знаю, — сказал он наконец, и его голос был тихим, как шёпот. — Я знаю, что это он. Но я не знаю, что с этим делать. Я не знаю, как это контролировать.

Они стояли у подоконника, глядя на ожившие фиалки, и оба знали: их сын не такой, как все. И оба не знали, что с этим делать.

Они решили не привлекать внимание. Они не знали, объяснимо ли это наукой или нет, и боялись, что Томми могут забрать. Дэвид начал читать книги по парапсихологии, но они казались ему бредом. Сара искала в интернете похожие случаи, но находила только форумы, где люди обсуждали «индиго-детей» и прочую эзотику. Это не давало ответов.

Так шли годы.

Дэвид и Сара научились жить с тем, что их сын — не такой, как все. Они не говорили об этом вслух, не обсуждали при посторонних, но между ними существовало молчаливое понимание: Томми нужно защищать. От врачей, от школы, от соседей, от всего мира, который мог бы забрать его для каких-то своих целей. Они придумали систему — если Томми начинал светиться, Сара закрывала шторы и говорила, что у ребёнка жар. Если игрушки начинали летать, Дэвид отвлекал внимание шуткой или включал телевизор погромче.

Томми учился контролировать свои силы. Он чувствовал, когда свет начинает пульсировать под кожей, когда внутри поднимается та странная, тёплая волна, которая могла выплеснуться наружу. Он научился задерживать дыхание, считать до десяти, сжимать кулаки так сильно, чтобы ногти впивались в ладони. Иногда это помогало. Иногда нет.

В восемь лет начались кошмары.

Первый раз Томми проснулся с криком, но не обычным детским плачем, а каким-то над-рывным, хриплым воплем, который заставил Дэвида подскочить в кровати. Он влетел в комнату сына и увидел, что Томми сидит на кровати, широко раскрыв глаза, и тяжело дышит. Его лицо было белым, как простыня, а на лбу выступил холодный пот. Он не узнавал отца. Он смотрел сквозь него, в пустоту, и шевелил губами, будто пытался что-то сказать.

— Томми, — позвал Дэвид, садясь рядом. — Ты здесь. Ты дома. Всё хорошо.

Томми моргнул. Его дыхание начало выравниваться, но глаза всё ещё были пустыми, словно он видел что-то за плечом отца.

— Они зовут меня, — прошептал он. — Они в темноте. Им холодно.

Сара вошла следом, села с другой стороны кровати, обняла сына. Дэвид смотрел на них и чувствовал бессилие. Он не знал, как защитить сына от того, что происходило у него в голове.

Кошмары повторялись. Почти каждую ночь. Томми просыпался, не понимая, где находится, и тяжело дышал, как после долгого бега. Иногда он звал маму, иногда просто сидел и смотрел в стену, не реагируя на вопросы. А однажды ночью, когда Дэвид сидел рядом с ним, пытаясь успокоить, Томми начал говорить. Но не по-английски. И даже не на том детском лепете, который они привыкли слышать.

Это был французский.

Дэвид замер. Он не знал французского, только несколько слов, которые выучил в университете. Но он узнал этот язык — мягкий, текучий, с носовыми звуками, которые невозможно спутать ни с чем. Томми бормотал что-то, закрыв глаза, и его голос был ровным, почти спокойным, как будто он не спал, а просто пересказывал услышанное.

— Что он говорит? — прошептала Сара, стоя в дверях.

— Я не знаю, — ответил Дэвид. — Я не понимаю.

Томми открыл глаза. Его взгляд был ясным, но каким-то чужим — слишком взрослым для восьмилетнего ребёнка. Он посмотрел на родителей, потом медленно повернул голову к двери, словно прислушиваясь к чему-то.

— Они просят игрушки, — сказал он по-английски, и его голос был обычным, детским, с лёгкой хрипотцой. — У них нет игрушек. Они говорят, что раньше у них были игрушки, но их забрали. Они хотят играть.

Дэвид переглянулся с Сарой. Она побледнела, но ничего не сказала.

Томми поднялся с кровати. Он прошёл мимо родителей, будто они были невидимками, и направился в гостиную, где стоял старый деревянный ящик с его игрушками. Они смотрели, как он опускается на колени, открывает крышку и начинает аккуратно складывать игрушки в свой рюкзак: старого плюшевого мишку, которого он не брал в руки уже года два, зайца с оторванным ухом, маленького деревянного солдатика, раскрашенного вручную. Он делал это медленно, сосредоточенно, как будто собирался в долгую дорогу.

— Томми, — тихо позвала Сара, — что ты делаешь?

— Они ждут меня, — ответил он, не оборачиваясь. — Они сказали, что я должен прийти. Я должен принести игрушки. Они не могут выйти.

Дэвид подошёл к нему, опустился рядом на колени. Он взял сына за плечи и осторожно повернул к себе.

— Томми, посмотри на меня, — сказал он твёрдо, но мягко. — Кто ждёт тебя? Кто просит игрушки?

Томми поднял на него глаза. В них не было страха. Только странная, пугающая серьёзность.

— Дети, — сказал он. — Они в саду. Там темно, и пахнет дымом. Окна закрыты решётками. Они не могут выйти, потому что дверь заперта. Они сказали, что я должен прийти. И принести игрушки. Они сказали, где это.

— Где? — спросил Дэвид, чувствуя, как внутри холодеет.

Томми назвал место. Это был небольшой городок во Франции, название которого Дэвид слышал всего один раз в жизни — в университете, на лекции профессора Грейсона, когда тот рассказывал о малоизвестных лагерях, которые не попали в основные учебники.

Дэвид замолчал. Он посмотрел на Сару, и в её глазах он увидел то же самое — понимание.

Сара начала искать. Она провела несколько дней в библиотеке, потом в интернете, потом звонила в исторические архивы. Нашла старые отчёты, обрывки документов, в которых упоминался «Объект 669» под кодовым названием «Детский сад».

— Это детский концлагерь, — сказала Сара, и её голос дрожал. — Во время Второй мировой нацисты маскировали его под детский сад. Они говорили родителям, что их дети будут в безопасности. Что их будут кормить и учить. А вместо этого проводили опыты. Бесчеловечные, Дэйв. На детях.

— Мы должны понять, что там произошло, — сказала она. — Это единственный способ защитить его. Если мы не узнаем, что случилось с теми детьми, они не оставят его.

Дэвид сопротивлялся до последнего. Он уговаривал, спорил, приводил аргументы — логичные, спокойные, взрослые. Но внутри он знал, что Сара права. Это было связано. Он чувствовал это так же отчётливо, как чувствовал свет, который исходил от его сына.

Они уехали в тихое место на природу на несколько недель, чтобы собраться с мыслями. Жили в маленьком арендованном домике у озера, вдали от людей, вдали от любопытных глаз. Там не было кошмаров. Или, по крайней мере, они не будили Томми. Дэвид почти поверил, что всё позади. Но Сара молчала, собирала вещи и покупала билеты.

— Мы едем, — сказала она однажды утром, когда Дэвид пил кофе на крыльце. — Я уже взяла билеты. Через три дня.

Он не спорил.

Они сели в самолёт в Колумбусе, долетели до Нью-Йорка, потом до Парижа. И когда они вышли из здания аэропорта имени Шарля де Голля, Дэвид заметил чёрные джипы. Они стояли на парковке, далеко, почти скрытые за рядом машин, но он успел их рассмотреть.

Глава 3

Дорога до городка заняла чуть больше часа. Арендованный «Рено» петлял по узким провинциальным дорогам, мимо полей, где ветер гулял по золотистой стерне, мимо старых каменных ферм с облупившейся краской на ставнях. Сара сидела на переднем сиденье, сжимая в руках дорожную сумку, и смотрела в окно. Томми молчал всю дорогу — он сидел на заднем сиденье, пристегнутый ремнём, и рассматривал свои ладони, будто видел их впервые.

Дэвид вёл машину, стараясь не думать о том, что они делают. Он включил радио, но поймал только французскую речь, которая звучала как белый шум. Он выключил его через минуту.

Городок назывался Сен-Мартен-де-Буа. Он лежал в долине, окружённой пологими холмами, где виноградники уже давно заросли сорняками, а поля пшеницы были давно скошены, и стерня желтела под осенним солнцем, словно ждала, когда её вспашут, но никто не торопился. Название было громким для места, где леса осталось всего ничего, — несколько рощиц на склонах, да и те были редкими, как зубы у старого человека.

Главная улица, Рю-де-ла-Республик, была вымощена неровным булыжником, который помнил ещё колёса телег, запряжённых лошадьми. По краям тянулись тротуары с плитками, кое-где расколотыми и заросшими мхом. Дома стояли вплотную друг к другу — старые, с облупившейся штукатуркой и ставнями, выцветшими до бледно-голубого или серого. На некоторых висели таблички с названиями улиц, написанными от руки, будто их никто не обновлял с начала века.

Церковь Святого Мартина возвышалась над городком, её колокольня была видна отовсюду, даже с окраин. Она была сложена из тёмного камня, который казался почти чёрным от времени и дождей. На вершине колокольни торчал флюгер в виде петуха, который уже давно не вращался, — его заклинило, и он смотрел на восток, как будто ждал, когда кто-то придёт и починит его. Колокола звонили редко — только по воскресеньям и на похоронах. Их звон был глухим, как будто они устали напоминать жителям о времени.

Кафе на Рю-де-ла-Республик было два. Одно, «У Жана», стояло на углу у мэрии, с плетёными стульями на улице, которые всегда были пустыми, даже в тёплую погоду. Внутри пахло кофе и старым табаком, и за стойкой всегда сидел один и тот же человек — Жан, который подпирал щеку рукой и смотрел в одну точку, как будто ждал, когда его жизнь сдвинется с мёртвой точки. Второе, «Le Petit Bonheur» («Маленькое счастье»), находилось ближе к окраине и работало только по вечерам, но и туда никто не ходил, потому что в городке не было ни туристов, ни ночной жизни.

Мэрия была двухэтажным зданием с колоннами, которые когда-то были белыми, но теперь их покрывала серая пыль и паутина. На фасаде висела табличка с названием и гербом города — щит с деревом и рекой, которые уже ничего не значили для местных жителей. Дверь мэрии всегда была закрыта, и только по утрам можно было увидеть мэра, который выходил на крыльцо, курил сигарету и смотрел на пустую площадь, словно проверял, не украл ли кто её за ночь.

Площадь перед мэрией была почти пустой. Посередине стоял фонтан с облупившейся чашей, в которой давно не было воды. Вокруг него были скамейки, и на них иногда сидели старики, но чаще всего скамейки пустовали, и ветер гнал по ним сухие листья. На площади можно было увидеть и почтовый ящик, покрашенный в ярко-жёлтый цвет, но даже он казался старым и забытым, как и всё вокруг.

На окраине, у дороги, ведущей в лес, стоял дом с вывеской «Épicerie des Bois»³. Это был единственный продуктовый магазин в городке, где продавалось всё: от багетов до мыла. Хозяин, старик с седыми усами, который всегда носил фартук с пятнами, приветствовал покупателей по имени.

Когда Дэвид зашёл туда за хлебом и вином, старик посмотрел на него с таким удивлением, будто увидел пришельца.

— Вы не отсюда, — сказал он на ломаном английском, и в его голосе не было вопроса, только утверждение.

— Мы из Америки, — ответил Дэвид, стараясь говорить по-французски, чтобы расположить к себе.

Старик кивнул и указал на вино. Его глаза были выпуклыми, как и всё в этом городке, и Дэвид почувствовал себя чужим в этом месте, которое, казалось, жило по своим законам, непонятным и далёким.

Гостиница, которую они сняли, стояла в тихом переулке за мэрией. Это был старый каменный дом с коваными перилами на лестнице и тяжёлыми портьерами, которые всегда были задёрнуты. Внутри пахло пылью и лавандой, которую хозяйка, мадам Бланшар, развешивала в шкафах. Она была маленькой и сухой, как лист бумаги, и двигалась бесшумно, как призрак. Её голос был тихим и вежливым, но в нём чувствовалась настороженность, как будто она знала, что они приехали не просто так.

— Комнаты на втором этаже, — сказала она, указывая на лестницу. — Вода есть только вечером. Завтрак в восемь. Если вам что-то нужно, звоните — я внизу.

Она не спросила, зачем они приехали. Она не спросила, надолго ли они. Она просто смотрела на них своими бледными глазами, и Дэвиду показалось, что она знает больше, чем говорит.

Городок был тихим. Слишком тихим. Здесь не было ни шума машин, ни голосов детей, играющих на улице. Только ветер, который иногда проносился по пустым улицам, и колокола церкви, которые звонили так редко, что каждый их удар казался случайностью. Где-то вдалеке лаяла собака, но никто не обращал на это внимания.

Они проехали через центр и направились к окраине, туда, где начинался лес. И там, среди деревьев, они увидели музей.

Здание было старым, сложенным из тёмного, почти чёрного камня. Вокруг него тянулся высокий забор из металлических прутьев, покрытый ржавчиной, которая въелась в металл так глубоко, что казалась частью его структуры. Ворота были массивными — две створки из кованого железа, высотой метра три, с заострёнными верхушками, которые смотрели в небо, как копья. Над ними висела табличка, прикрученная к ржавым петлям: «Musée de la Mémoire — Jardin d'Enfants»⁴.

Дэвид остановил машину перед воротами. Они были закрыты, но сбоку виднелась калитка с кодовым замком.

— Наверное, мы должны зайти через калитку, — сказала Сара, выходя из машины. Она говорила спокойно, но Дэвид заметил, как дрожат её пальцы, когда она поправляла ремень сумки.

— Я тоже так думаю, — отозвался Дэвид, открывая дверь.

Томми выбрался из машины последним. Он стоял у бампера, разглядывая ворота, и его лицо было спокойным, даже безмятежным. Дэвид посмотрел на него и почувствовал, как внутри шевелится холодное, липкое чувство — его сын не выглядел испуганным или настороженным. Он выглядел так, будто возвращался домой.

³ Лесная бакалея (франц.)

⁴ Музей памяти — Детский сад (франц.)

— Томми, — позвал Дэвид. — Ты как?

— Хорошо, пап, — ответил тот, не отрывая взгляда от ворот. — Здесь тихо. Мне нравится.

Они подошли к калитке. На небольшом металлическом щитке была кнопка звонка — старая, с облупившейся краской. Дэвид нажал. Внутри раздался глухой, металлический звук, который эхом разнёсся по двору. Через минуту из здания вышла женщина — высокая, в сером платье, с седеющими волосами, собранными в пучок. Она направилась к калитке, и её шаги были медленными, но уверенными. Когда она подошла ближе, Дэвид увидел, что лицо у неё было строгим, с глубокими морщинами, которые говорили о возрасте.

— Bonjour⁵, — сказала она на французском, но тут же перешла на английский с заметным акцентом. — Вы приехали посетить музей? Мы редко принимаем гостей, но я рада. Проходите.

Она открыла калитку, и они вошли на территорию бывшего лагеря. Женщина представилась как Мадлен Дюбуа — смотрительница музея и местный историк. Она говорила тихо, но отчётливо, и её голос звучал так, будто она рассказывала эту историю уже сотни раз, но каждый раз находила в ней что-то новое.

— Это место было построено в 1942 году, — начала она, проходя через двор. — В бумагах СС оно проходило как «Объект 669». Нацисты называли его «Kinderlager»⁶. Для местных жителей он был просто детским садом. Родители отдавали своих детей сюда, веря, что их будут кормить и учить. Но всё было иначе.

Двор был пустым и безжизненным. Вместо зелёной травы — серая, выбитая земля, утрамбованная десятилетиями. Вдоль забора стояли скамейки, такие же ржавые, как ворота. На них никто не сидел. В центре двора возвышался каменный постамент, на котором была установлена табличка с именами — длинный список, который Дэвид даже не начал читать. Он знал, что не сможет.

Мадлен остановилась у постамента и посмотрела на здание, которое стояло в глубине двора. Это было деревянное строение — когда-то оно было белым, но теперь его стены посерели, обгорели и потрескались. Следы пожара были видны повсюду: чёрные пятна на дереве, обугленные балки, которые держали крышу, выбитые окна, заколоченные досками. Над входом висела табличка, почти такая же, как на воротах, только меньше: «Jardin d'Enfants».

— Сначала это был обычный дом, — сказала Мадлен, жестом приглашая их к входу. — Потом его переоборудовали под лагерь. Комнаты были маленькими, тесными, с зарешёченными окнами. Детей держали там в течение дня, а иногда и ночью. Снаружи всё выглядело как школа. Внутри — это была тюрьма.

Она открыла тяжёлую деревянную дверь, и они вошли внутрь.

Пахло пылью, деревом и чем-то ещё — сладковатым, приторным, как запах старого мёда. Дэвид не мог понять, откуда он шёл. Может быть, из стен. Может быть, из земли под ногами.

— Экскурсия начинается в главном зале, — сказала Мадлен. — Следуйте за мной, пожалуйста.

Зал был просторным, с высокими потолками и тёмными деревянными балками. Вдоль стен стояли стеклянные витрины с экспонатами: старые фотографии, исписанные блокноты, детская одежда — маленькие платьица, штанишки, ботинки с потёртыми подошвами. В углу висела карта Европы с пометками. На ней были отмечены лагерь, и «Детский сад» был обведён красным кружком.

— Здесь проводились так называемые «эксперименты», — начала Мадлен, и её голос стал более сухим, деловым. — Мы не знаем всех подробностей, но из документов, которые

⁵ Здравствуйте (франц.)

⁶ Детский лагерь (нем.)

удалось сохранить, следует, что нацисты искали доказательства существования паранормальных способностей у людей.

Дэвид почувствовал, как его сердце пропустило удар. Сара, стоящая рядом, тихо вдохнула, и он увидел, как она сжала кулаки.

— Они проводили опыты над детьми, — продолжила Мадлен, подходя к одной из витрин. Внутри лежала тетрадь с выцветшими страницами. — Записывали реакции на стресс, изоляцию, голод. Но главной их целью было другое. Они искали детей, которые могли бы... — Она сделала паузу и посмотрела на Дэвида. — обладать способностями и делать то, что не под силу обычному человеку. Это звучит безумно, не правда ли? Но это задокументировано. В архивах есть записи о том, что несколько детей демонстрировали странные способности. Они могли двигать предметы, предсказывать события, видеть сны, которые сбывались. Нацисты называли это «наследием древних кровей».

Дэвид сглотнул. Он чувствовал, как пот выступает на лбу, и старался дышать ровно.

— Как вы узнали об этом? — спросил он, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— После войны находили дневники персонала, — ответила Мадлен. — Не все они были уничтожены. Некоторые документы были спрятаны, а потом переданы в музей. Мы не публикуем всё, что знаем. Это слишком... тяжёлая тема.

— А что случилось с детьми? — спросила Сара. Её голос был тихим, почти шёпотом.

Мадлен на мгновение замолчала. Она смотрела на фотографию, висевшую на стене, — группу детей в одинаковых серых платьях, стоящих перед зданием.

— В 1944 году, когда война была проиграна и немцы начали отступление, пришёл приказ уничтожить всё, что могло свидетельствовать об их деятельности. — Она повернулась к ним, и в её глазах Дэвид увидел усталость, которую нельзя было спрятать. — Лагерь заперли. Детей, которые ещё оставались внутри, не выпустили. Здание подожгли. Всё сгорело вместе с ними.

Дэвид услышал, как Сара тихо ахнула. Он сам почувствовал, как холодная волна поднимается от груди к горлу.

— Сколько их было? — спросил он.

— Тридцать семь, — ответила Мадлен. — Тридцать семь детей. Они были живы, когда начался пожар. Некоторые пытались выбраться через окна, но решётки не давали им этого сделать. — Она помолчала. — Их голоса, говорят, были слышны за несколько километров. Но никто не пришёл на помощь.

Дэвид стоял неподвижно, и ему казалось, что воздух вокруг него стал плотным, как вода. Он смотрел на Мадлен, но не видел её. Он видел только то, что она описывала. Окна с решётками. Детские руки, сжимающие прутья. Горящие стены. И крики, которые разносились по лесу, но никто не услышал их. Или услышал, но не пришёл.

Он пытался представить, что это такое. Быть ребёнком, запертым в тесной комнате, где всё начинает гореть. Ты слышишь треск огня, чувствуешь дым, который обжигает лёгкие. Ты пытаешься выбраться, но дверь заперта. Ты бежишь к окну, но решётки не дают тебе выйти. Ты кричишь. Ты кричишь так громко, как только можешь, но никто не приходит. Ты слышишь, как другие дети кричат рядом с тобой, и ты чувствуешь, как твоя кожа начинает гореть.

Дэвид закрыл глаза, чтобы отогнать это видение, но оно оставалось. Оно въелось в его сознание, как запах гари, который не выветривается.

Тридцать семь детей. Тридцать семь.

Он попытался представить их лица. Маленькие, испуганные, покрытые слезами и грязью. Кто-то из них, может быть, был таким же, как Томми. Но их не спасли. Их заперли и сожгли. Потому что они были опасны для тех, кто проводил над ними бесчеловечные опыты.

Он чувствовал, как его желудок сжимается, как к горлу подступает тошнота. Ему хотелось закричать, хотелось разбить стены, хотелось вернуться в прошлое и сделать что-то, чтобы

спасти их. Но он не мог. Он мог только стоять и слушать, как Мадлен рассказывает об их смерти.

Дэвид повернулся и посмотрел на Сару. Она стояла рядом с ним, и её лицо было бледным, как бумага. Она не плакала. Она смотрела на Мадлен, и в её глазах была та же боль, которую он чувствовал внутри себя. Но она не отворачивалась. Она слушала. Она впитывала каждое слово, как будто хотела запомнить их всех. Каждое имя, каждый крик, каждую секунду этого ужаса.

Они прошли дальше, вглубь здания. В одной из комнат стояли старые детские кровати с ржавыми прутьями. На некоторых висели таблички с именами. Дэвид остановился у одной из них, прочитал: «Elodie, 6 ans». Он не выдержал — закрыл глаза и сделал шаг назад.

— Если вы устали, мы можем сделать перерыв, — предложила Мадлен.

— Нет, — сказал Дэвид. — Нет. Мы должны видеть всё.

Они прошли в ещё одну комнату — ту, которая была восстановлена по архивным фотографиям. Там стояли столы, на которых лежали медицинские инструменты. Они выглядели жутко — такими знакомыми по фильмам ужасов, что становилось не по себе. Скальпели, зажимы, иглы. Рядом — старые записи, исписанные аккуратным немецким почерком.

— Что они с ними делали? — спросила Сара, глядя на инструменты.

— Мы точно не знаем, — ответила Мадлен. — Но есть записи об экспериментах с кровью, с нервной системой, с воздействием на мозг. Некоторых детей лишали сна. Некоторых держали в темноте. Некоторым вводили препараты, которые вызывали галлюцинации. — Она снова замолчала. — Цель была одна — найти способ активировать скрытые способности. И они нашли их. По крайней мере, у нескольких детей.

— А что с этими детьми? — спросил Дэвид. — С теми, у кого были способности?

— Никто не знает, — сказала Мадлен. — В документах есть записи о том, что некоторых переводили в другие лагеря. Дальше следы теряются. Но были и те, кого оставили здесь — до самого конца. — Она помолчала. — Среди тридцати семи тоже были такие дети.

Дэвид молчал. В его мозгу две картины никак не соединялись: способности — и пепел.

— Но я вижу, что вы приехали не просто так, — продолжила Мадлен. — У вас есть вопрос, который вы не задаёте.

Дэвид хотел ответить, но Сара опередила его.

— Мы просто ищем ответы, — сказала она спокойно. — Это связано с нашей семьёй.

Мадлен кивнула, не настаивая. Она повернулась и повела их дальше.

Томми всё это время молчал. Он шёл по залам музея спокойно, разглядывая витрины с тем же вниманием, с каким другие дети смотрят на игрушки. Он остановился у одной из витрин, в которой лежала маленькая игрушка — деревянная лошадка с отломанной ногой. Он смотрел на неё долго, почти минуту, и Дэвид заметил, как его лицо стало мягче, будто он видел кого-то знакомого.

— Томми, — позвал Дэвид. — Ты как?

— Хорошо, пап, — ответил он, не оборачиваясь. — Я просто смотрю.

Они прошли по коридорам мимо фотографий, висевших на стенах, мимо детских рисунков, которые были сохранены в стеклянных рамках. В одном из залов Дэвид остановился перед портретом.

Большой, в массивной деревянной раме, с выцветшей позолотой по краям. Картина была написана маслом, и её краски казались слишком яркими для этого места — слишком живыми. На портрете был изображён мужчина в немецкой военной форме времён Второй мировой войны.

Он был высоким, с широкими плечами и идеальной осанкой, как у человека, который привык командовать. Его форма была тёмно-серой, с серебряными погонами и нашивками, которые Дэвид не мог разобрать, но которые явно указывали на высокий чин. Воротник был

поднят, под ним виднелся белый шарф, аккуратно завязанный. На груди — несколько медалей, которые тускло поблёскивали даже на картине.

Но самое страшное было в его лице.

Лицо нациста было холодным, как у статуи. Светлые волосы, зачёсанные назад, открывали высокий лоб с едва заметными морщинами — следами постоянного напряжения. Глаза были голубыми, почти прозрачными, как лёд, и в них не было ни тепла, ни сочувствия. Только расчёт. Только безжалостная логика человека, который давно перестал видеть в других людях людей. Они смотрели с портрета прямо на Дэвида, и ему казалось, что этот взгляд проникает сквозь время, сквозь десятилетия, сквозь смерть.

Его губы были тонкими, сжатыми в линию, которая не выражала ни гнева, ни радости — только спокойствие хищника, который знает, что его жертва никуда не денется. Подбородок был твёрдым, квадратным, а скулы — острыми, как лезвия. Он не был уродливым. Он был красивым в той холодной, идеальной красоте, которая пугает больше, чем любое уродство.

Дэвид стоял перед портретом, не в силах отвести взгляд. Он знал это лицо. Он видел его на фотографиях в архивах, в документах, которые они изучали перед поездкой. Но вживую, на холсте, оно было другим. Более живым. Более настоящим. Он чувствовал, как этот человек смотрит на него, оценивает, взвешивает. Как будто он знал, что Дэвид придёт сюда. Как будто он ждал его.

— Это доктор Карл Вебер, — сказала Мадлен, подходя к портрету. — Главный врач лагеря. Именно он проводил большую часть экспериментов.

«Это он, — подумал Дэвид. — Тот, кто убивал детей. Тот, кто ставил на них эксперименты. Тот, кто не остановился перед тем, чтобы сжечь их заживо. И он смотрит на меня, как будто я — следующий».

Дэвид смотрел на портрет и чувствовал, как его рука сжимается в кулак. Он знал, что Вебер не был наказан — так же, как многие другие нацисты, он исчез после войны, и его следы затерялись. Но Дэвид не мог отвести взгляд от этого лица.

— Вебер, — повторил он. — Он жив?

— Не знаю, — ответила Мадлен. — Последние данные о нём относятся к 1950-м годам. Говорят, он перебрался в Южную Америку, но это только слухи.

Томми подошёл к портрету и посмотрел на него снизу-вверх. Он стоял неподвижно, разглядывая лицо человека, который тридцать семь детей превратил в пепел.

— Он был здесь, — тихо сказал Томми. — Он стоял на этом месте и смотрел на них. Они боялись.

Дэвид подошёл к сыну и положил руку ему на плечо.

— Томми, пойдём, — сказал он. — Мы всё видели.

Томми кивнул, но ещё мгновение смотрел на портрет. Потом повернулся и пошёл к выходу.

Они вышли из здания в тихий, прохладный вечер. В воздухе висел запах пыли и сухой травы. Дэвид чувствовал тяжесть в груди — как после долгого сна, от которого невозможно проснуться.

Они сели в машину и поехали обратно в гостиницу. Дэвид смотрел в зеркало заднего вида, пока здание музея не скрылось за поворотом, и ему показалось, что он видит свет в одном из окон — слабый, белый, мерцающий.

Но, может быть, это была игра теней.

Глава 4

Свет в салоне «Майбаха» горел ровно, без мерцания, и Дэвид смотрел на человека напротив, пытаясь понять, что скрывается за его вежливой улыбкой. Незнакомец сидел неподвижно, сложив руки на коленях, и его голубые глаза изучали Дэвида с терпеливым любопытством хищника. Дэвид перевёл взгляд на его руки. И замер.

На безымянном пальце левой руки у немца было массивное золотое кольцо. Оно было старым — Дэвид видел такие на фотографиях в учебниках, на архивных снимках, которые профессор Грейсон показывал на лекциях. Тяжёлое, с выгравированной свастикой, вписанной в дубовый венок. Это было не просто украшение. Это был знак принадлежности. Знак того, что человек перед ним не просто интересовался историей — он был её частью.

Дэвид почувствовал, как его желудок сжался в холодный узел. Он смотрел на кольцо и не мог отвести взгляд.

— Вы заметили, — сказал незнакомец, слегка улыбнувшись. Он поднял руку и повертел кольцо на пальце, словно демонстрируя его. — Это кольцо моего деда. Он носил его до последнего дня. Не снимал даже в постели, говорят.

— Кто ваш дед? — спросил Дэвид, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Мужчина наклонил голову, будто оценивая вопрос. Он не спешил с ответом, наслаждался моментом — тишиной в салоне, напряжением в теле Дэвида.

— Моего деда звали Карл Вебер, — сказал он, и в голосе его появилась гордость, которую он даже не пытался скрыть. — Вы могли видеть его портрет в музее. Там, в этом... «Детском саду».

Дэвид почувствовал, как кровь отхлынула от лица. Тот самый мужчина с холодным взглядом, главный врач лагеря, который проводил эксперименты над детьми. Человек, который запер тридцать семь детей в доме и сжёг их заживо. Он смотрел на внука этого человека, и его руки начали дрожать.

— Вы... вы его внук?

— Я — его наследник, — поправил мужчину. — И я учёный, так же, как и он. Моё имя — Эрих Вебер. Доктор Эрих Вебер, если быть точным. Я занимаюсь тем, что начал мой дед. — Он сделал паузу, и его глаза сузились. — СС, гер Моррисон, никуда не делись. Мы не исчезли после войны. Мы просто ушли в тень. Перегруппировались. Нашли новых союзников. Финансирование, которое мы получаем, позволило бы купить небольшую страну.

Эти слова повисли в воздухе, как тяжёлые цепи, которые медленно опускались на плечи Дэвида. Он смотрел на человека напротив, и его разум отказывался принимать то, что он слышал.

СС никуда не делись.

Он почувствовал, как внутри него рушится что-то важное. Какая-то стена, которая защищала его от этого мира, от этой правды. Он всегда думал, что нацизм — это история. Что он остался в прошлом, в учебниках, в чёрно-белых фотографиях, которые показывают на уроках. Он знал, что были последователи, были неонацистские группировки, но они казались ему маргиналами, людьми, которые не имеют реальной власти. Он не представлял, что они могут быть так организованы, так богаты, так могущественны.

Мы просто ушли в тень.

Дэвид почувствовал холод, который начал подниматься откуда-то из глубины его существа. Он смотрел на Эриха Вебера и понимал, что перед ним не просто богатый человек с красивым лицом. Перед ним — система. Организация, которая пережила войну, десятилетия и

даже собственную смерть. Она адаптировалась, изменилась, но не исчезла. Она ждала своего часа. И этот час настал.

Финансирование, которое мы получаем, позволило бы купить небольшую страну.

Эти слова звучали как приговор. Дэвид представил, сколько у них денег, сколько власти, сколько людей. Он представил лаборатории, учёных, агентов, которые разбросаны по всему миру. Он представил, как они следят за ним, за Сарой, за Томми. Как они ждали, когда он приведёт их к сыну.

Он сжал кулаки, и его ногти впились в ладони. Он хотел закричать, хотел выпрыгнуть из машины, хотел убежать куда-нибудь, где его не найдут. Но он знал, что это бесполезно. У них были ресурсы, о которых он не мог даже мечтать. У них было время, которого у него не было. У них была цель, ради которой они были готовы на всё.

Дэвид сглотнул. Он хотел сказать что-то резкое, но язык не повиновался.

— Зачем вы мне это рассказываете? — наконец выдавил он.

Эрих Вебер улыбнулся. В его улыбке не было тепла — только ледяная вежливость.

— Потому что вы должны понять, с кем имеете дело, — ответил он. — И почему мы хотим забрать вашего сына.

Он откинулся на спинку сиденья, и его поза стала более расслабленной. Он говорил так, будто читал лекцию, а не объяснял, почему хочет отнять у отца ребёнка.

— Во время войны мой дед искал одарённых детей. Тех, кто обладал способностями, которые невозможно объяснить наукой. Телекинез. Ясновидение. Регенерация. — Он посмотрел на Дэвида, будто проверяя, понимает ли он. — Детей с этим даром было немного, но они существовали. И среди них была одна девочка. Её звали Марта. Марта Лоуэн. Бабушка вашей жены.

Дэвид почувствовал, как воздух в салоне кончился.

Эти слова пронзили его, как нож, который входит между рёбер и застревает там, не давая сделать вдох. Он смотрел на Вебера, и его разум отказывался принимать то, что он слышал.

Марта Лоуэн. Бабушка Сары.

Он слышал это имя от Сары, когда она рассказывала о своей семье, о бабушке, которая жила в тени и никогда не говорила о прошлом. Он видел фотографию, которую Сара хранила в старой книге. Он думал, что это просто семейная реликвия. Просто старый снимок, который ничего не значит.

Но теперь этот человек сидел напротив него и говорил, что Марта была одной из них. Одной из тех, кого искал его дед. Одной из тех, на ком проводили эксперименты.

Дэвид чувствовал, как его внутренности сжимаются, как к горлу подступает тошнота. Он пытался дышать, но воздух не проходил. Он смотрел на Эриха Вебера и видел его глаза — холодные, светлые, безжалостные. Он видел в них ту же пустоту, что и на портрете Карла Вебера.

Мысли проносились в его голове, как обрывки плёнки, которые не хотели складываться в целое. Он вспомнил, как Сара рассказывала о своей бабушке. «Она всегда была странной, — говорила она. — Она никогда не рассказывала о прошлом. Она сидела у окна и смотрела в пустоту. Иногда она плакала по ночам, но никогда не объясняла почему». Дэвид думал, что это просто травма войны. Что она пережила ужасные вещи, как многие люди, которые прошли через те годы. Но теперь он понимал, что это было нечто большее.

Она была не просто жертвой. Она была испытуемой. Она была той, кого искали. Той, кто выжил и молчал. Той, кто унёс свои секреты в могилу.

— Марта была самой сильной испытуемой, — продолжал Вебер. — Мой дед обнаружил, что она способна не только двигать предметы силой мысли, но и залечивать смертельные раны. Она могла касаться раненого человека, и его тело восстанавливалось за считанные секунды. Это была невероятная сила. Она могла бы стать ключом к бессмертию.

Он замолчал и посмотрел в окно.

— Но война заканчивалась, — продолжил он. — Дед получил приказ переправить самых ценных испытуемых в Германию. Марта была в списке. Её должны были отправить в Берлин, в секретную лабораторию. Но не успели. Пришлось в спешке заметать следы. Дед очень расстроился из-за того, что Марту не успели эвакуировать из лагеря. Но она каким-то чудом выжила. Марта ничего не рассказала освободителям. Она притворилась обычной девочкой, жертвой нацистов, и уехала в Америку. Жила спокойно. Молчала. Пока не умерла.

Дэвид сидел неподвижно. Он вдруг понял, почему Сара так хотела защищать сына. Может быть, она не называла это словами, но что-то в ней всегда знало: это наследственное, это не просто странные сны и игрушки, летающие по комнате.

Вебер молчал, и эта пауза была тяжёлой, как камень, который медленно опускается на дно колодца. Дэвид смотрел на него, чувствуя, как его сердце бьётся где-то в горле, как воздух становится вязким и трудным для дыхания.

— Томас, — сказал Вебер, и его голос стал тише, но от этого — настойчивее. — Он унаследовал способности Марты. Может быть, даже превзошёл её. Та светимость, которую вы видели, гер Моррисон, — это не просто свечение. Это чистая энергия, которой нет названия. Он может делать то, чего не могла даже Марта.

Он наклонился вперёд, и его голубые глаза стали почти прозрачными в тусклом свете салона. Его пальцы, длинные и тонкие, сплелись в замок, как у человека, который готовится прочитать лекцию.

— Мы наблюдали за вами, гер Моррисон, — продолжал он, и в его голосе появилась странная, почти учёная интонация. — Мы знаем о каждом проявлении его силы. Но вы видите только поверхность. Вы видите, как он светится, и думаете, что это просто игра света. Вы видите, как он оживляет цветы, и думаете, что это необычное совпадение. Вы видите, как игрушки летают по комнате, и думаете, что вам показалось.

Он сделал паузу, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на насмешку.

— Но мы знаем больше. Его сила не ограничивается свечением. Она проникает в самую структуру реальности. Когда он светится, он не просто испускает свет — он изменяет пространство вокруг себя. Он создаёт поля, которые влияют на материю, на время, на энергию. Это не телекинез. Это что-то большее. Он может влиять на реальность на квантовом уровне.

Дэвид почувствовал, как его голова начинает кружиться. Слова Вебера звучали как научная фантастика, но он знал, что это правда. Он видел, как цветы рассыпались в пепел, когда Сара вынесла их из комнаты Томми. Он видел, как игрушки летали по воздуху, подчиняясь невидимой силе. Он слышал, как Томми говорил по-французски во сне. Всё это было реальным.

— Я не понимаю, — сказал он, и его голос был хриплым. — Что вы хотите сказать? Что мой сын — это какое-то оружие?

Вебер улыбнулся, но в его улыбке не было тепла. Только холодная, расчётливая уверенность человека, который знает, что держит в руках козыри.

— Не оружие, гер Моррисон, — сказал он. — Он — ключ. Ключ к тому, что мой дед искал всю свою жизнь. Марта была сильной, но её сила была ограничена. Она могла исцелять раны, двигать предметы, влиять на пространство. Но Томас... он может делать то, чего не могла она. Он может не только изменять пространство, но и создавать его.

Он поднял руку, и по золотому кольцу скользнул отблеск света.

— Вы видели, как он оживлял цветы, — продолжил он. — Но вы не задумывались, что это значит. Он не просто возвращал им жизнь — он переписывал их реальность. Он заставлял их существовать вопреки законам природы.

Дэвид смотрел на него, и его тело начало дрожать. Он не мог контролировать эту дрожь, потому что слова Вебера проникали в его сознание, как иглы, и оставляли там следы, которые нельзя было стереть.

— И если он может создавать, — сказал Вебер, и его голос стал ещё тише, почти шёпотом, — он может и разрушать. Вы не представляете, какую силу он носит в себе, гер Моррисон. Если он потеряет контроль, если его эмоции возьмут верх, он может уничтожить всё, что находится вокруг него. Сначала ваш дом, потом ваш город, потом целые страны. Он — как ядерная бомба, которая не знает, что она бомба.

Он откинулся на спинку сиденья, и его голос стал твёрже.

— Мы не хотим причинять ему боль, гер Моррисон. Мы хотим помочь ему. Мы хотим научить его контролировать свою силу. Мы хотим направить её в нужное русло. Если вы оставите его без контроля, он уничтожит всё, что вы любите. И себя в том числе.

Он замолчал, и в салоне повисла тишина. Дэвид сидел неподвижно, чувствуя, как его сердце бьётся быстро и громко, как кузнечный молот. Слова Вебера звучали в его голове, как эхо, которое не хотело затихать.

— Я научу его, — сказал Дэвид, и в его голосе появилась сталь, которой он сам не ожидал. — Я научу его контролировать это.

Вебер тихо рассмеялся — сухо, беззвучно, как будто Дэвид сказал что-то смешное.

— Вы учитель истории, гер Моррисон, — сказал он. — Вы не учёный. Вы не знаете, как работает эта энергия. У вас нет оборудования. У вас нет знаний. Вы не сможете защитить его от самого себя. — Он сделал паузу. — Но мы можем. Мы занимаемся этим уже восемьдесят лет. У нас есть лаборатории, врачи, технологии. Мы знаем, как контролировать эту силу. Мы можем научить его использовать её, а не разрушать мир.

Дэвид смотрел на него и чувствовал, как внутри закипает гнев. Он хотел вскочить, ударить этого человека, разбить его холодное, самодовольное лицо. Но он не мог. Он сидел в его машине, в его власти, и знал, что за дверью стоят два охранника, которые сломают ему шею, если он сделает хоть одно резкое движение.

— Я не могу отдать вам сына, — сказал он наконец, и его голос был тихим, но твёрдым. — Я не могу позволить вам сделать с ним то же, что вы сделали с теми детьми.

Вебер кивнул, как будто ожидал этого ответа.

— Я знаю, — сказал он. — Поэтому я даю вам время подумать.

Он вытащил из внутреннего кармана пиджака визитку. Она была белой, с золотым тиснением, без лишней информации — только номер телефона и имя.

— У вас есть два дня, — сказал он, протягивая визитку Дэвиду. — Через два дня в полночь вы должны передать нам Томаса. Добровольно. Если вы этого не сделаете, мы будем вынуждены забрать его силой. Это будет неприятно для всех участников.

Дэвид взял визитку. Он чувствовал, как бумага обжигает пальцы, хотя она была холодной.

— Вы не посмеете, — сказал он, но его голос дрогнул.

Вебер улыбнулся.

— Мы уже сделали это однажды, — сказал он. — Тридцать семь детей сгорели в том доме, потому что мы решили, что их нельзя оставлять в живых. Мы не остановимся перед одной семьёй. Если вы не отдадите нам сына, гер Моррисон, я обещаю вам — вы и ваша жена умрёте. А Томас всё равно попадёт к нам.

Дэвид смотрел на него, и внутри что-то сломалось. Холодный, липкий страх залил его внутренности, но он не показал этого. Он просто сжал визитку в кулак.

— Я подумаю, — сказал он.

Вебер кивнул.

— Я знал, что вы разумный человек, — сказал он. — Можете идти.

Он стукнул по стеклу, отделявшему их от водителя. Раздался тихий щелчок, и задняя дверь открылась. Охранник, тот, что открывал её раньше, стоял снаружи и держал дверь, глядя на Дэвида отсутствующим взглядом.

Дэвид вышел из машины. Его ноги были ватными, но он заставил себя идти ровно. Он не обернулся. Он знал, что если обернётся, то увидит улыбку на лице Вебера, и это может сломать его окончательно.

Он вышел из проулка на главную улицу. Пакетов с продуктами у него уже не было — он не помнил, куда они делись. Он шёл, сжимая в руке визитку, и чувствовал, как её острые края впиваются в ладонь.

Городок был тихим. Где-то вдалеке лаяла собака. Дэвид смотрел на тёмные окна домов и думал о том, что теперь он должен рассказать всё Саре. О том, что они охотятся за её сыном. О том, что у них есть два дня.

Он остановился перед гостиницей, где ждала его семья. Свет в окне на втором этаже горел. Сара, наверное, читала книгу или сидела с Томми, успокаивала его после тяжёлого дня.

Дэвид посмотрел на небо. Оно было тёмным, звёздным, и казалось, что кто-то смотрит на него сверху.

— Два дня, — прошептал он. — Два дня, чтобы всё исправить.

Он вошёл в гостиницу. Его шаги были тяжёлыми, но он не позволил себе остановиться.

Глава 5

Марта Лоуэн родилась в 1932 году в маленькой деревушке недалеко от Парижа, где река Марна делала изящный изгиб, огибая поля, покрытые пшеницей и маком.

Деревня называлась Шантийи-сюр-Марн, и это имя звучало как мелодия, которую напевали ветры, гуляющие по долине. Она лежала на берегу реки, где вода была тёмной и спокойной, как стекло, и в ней отражались ивы, склонявшиеся к поверхности, словно хотели коснуться её своими длинными зелёными пальцами. В ней было всего три улицы, которые расходились от площади, как лучи от солнца: Рю-де-ла-Фонтен, Рю-де-л'Эглиз и Рю-де-Пре. Они были узкими, мощёными булыжником, который блестел после дождя, и по ним почти никогда не ездили машины — только телеги, запряжённые лошадьми, да редкие велосипеды.

В центре деревни стояла церковь Святого Мартина, чей купол был облупившимся и серым от времени, но колокольня всё ещё возвышалась над домами, как старый страж, который видел слишком много, чтобы удивляться чему-то новому. Колокола звонили каждое воскресенье, и их звон был низким и густым, как мёд, который разливался по долине и наполнял каждый дом тихим благословением. Внутри церкви пахло ладаном и старым деревом, а на стенах висели картины, на которых святые смотрели на прихожан с одинаковым выражением — терпеливым и немного печальным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.